
1. Смаргович, И.Л. Основы культурно-досуговой деятельности : учеб.-метод. пособие / И.Л. Смаргович; Мин-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск : БГУКИ, 2013. – 174 с.

2. Трегубов, Б.А. Свободное время молодежи: сущность, типология, управление / Б.А. Трегубов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1991. – 152 с.

Пшонный А.А., студент Д 61 сп.

Научный руководитель – Кульбицкая Л.Е.

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

Э.КАССИРЕРА

Проблемное поле семиозиса культуры, ее семиосферы занимает сегодня одно из главных мест в проблеме культурологических исследований. Большая часть этих исследований сосредоточилась вокруг проблем вербального языка, который в силу своей содержательной универсальности является основным средством передачи информации и общения людей и потому выполняет в культуре особые функции. Одной из важнейших функций языка, наряду с мышлением, является коммуникативная функция. В человеческом обществе коммуникация может осуществляться как вербальными, так и невербальными средствами.

Вербальная коммуникация для человека является основным и универсальным способом общения. К числу вербальных средств относится как устная, так и письменная разновидности языка. Конечно, через вербальную коммуникацию передается важнейший объем информации. Исследования вербального языка, являющегося естественной знаковой системой, способствовали становлению в начале XX века семиотики как

научной самостоятельной дисциплины и во многом повлияли на методологию анализа вторичных моделирующих систем. В семиотике язык описывается в трех измерениях – семантическом (анализ отношения между языковыми выражениями и миром), синтаксическом, прагматическом. Таким образом, семиотический подход позволяет осмыслить язык как феномен культуры, исследовать строение семиозиса культуры в целом.

Первые попытки осмысления феномена языка можно увидеть уже в античной философии – диалоги Платона и «логос» Гераклита, работы Аристотеля и «лектон» стоиков. За знаменитым спором средневековых номиналистов и реалистов также стоит стремление разрешить вопрос об онтологической природе языка.

Однако только в Новое время становится возможным исследование языка как феномена человеческой культуры. Впервые это удалось Вильгельму фон Гумбольдту, создателю деятельностно-энергетической концепции языка. По Гумбольдту, каждый язык имеет свою «внутреннюю форму», специфическую структуру, (грамматический строй и присущие ему способы словотворчества – например, «способ обозначения, именованья»), обусловленную «самобытностью народного духа». Понимая язык как орган, образующий мысль, Гумбольдт подчеркивает зависимость языка от мышления и обусловленность его каждым конкретным языком, заключающим в себе свою национальную самобытную классификационную систему, которая определяет мировоззрение носителей данного языка и формирует их картину мира. Говоря о том, что, овладевая другими языками, человек расширяет «диапазон человеческого существования», Гумбольдт имел в виду именно постижение при помощи языка – через «языковое мировидение» – картины мира другого народа.

Продолжая в целом заложенные Гумбольдтом традиции – интерес к семантической стороне языка, изучение языка в неразрывной связи с культурой конкретного народа, подчеркивание активной роли языка в мышлении и познании, – неогумбольдтианская школа опирается на философское учение Э.Кассирера. Эрнест Кассирер – (1874- 1945 гг.) является самым последовательным приверженцем кантовской трактовки символической природы культуры. На первый план он выдвигал изучение роли языка в культуротворчестве – «критике языковых форм мышления». Философская концепция Кассирера впервые прямо совпала с предметом философии культуры, которая понимается как продукт символической деятельности человека, в свою очередь опосредованный символикой речи.

Исходя из взаимообусловленности существа человека и культуры, Кассирер анализирует основные из существовавших в истории концепций человека и приходит к выводу, что «символ – ключ к природе человека». «У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать символической системой. Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь. По сравнению с другими животными человек живет не просто в более широкой реальности – он живет в новом измерении реальности»[1, С.138], – интерпретирует Кассирер кантовское видение культуры в природе, «как если бы» она имела нравственную цель. Кассирер подчеркивает разницу между органическими реакциями и человеческими ответами. В первом случае на внешний стимул дается прямой и непосредственный ответ; во втором – ответ задерживается. Он прерывается и запаздывает из-за медленного и сложного процесса мышления. На первый взгляд, отмечает Кассирер, такую задержку вряд ли можно считать приобретением для человека. Однако средств против такого поворота нет в естественном ходе вещей. Человек не может избавиться от

своего приобретения. Он может лишь принять условия своей собственной жизни. «Человек, – пишет Кассирер, – живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта. Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте уточняет и одновременно укрепляет эту сеть. Человек уже не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней лицом к лицу. Физическая реальность как бы отдаляется по мере того, как растет символическая активность человека» [1, С.154]. По Кассиреру человек вместо того, чтобы обратиться к своим вещам, постоянно обращен на самого себя. Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника. Так дело обстоит не только в теоретической, но и в практической сфере. Даже здесь человек не может жить в мире строгих факторов или сообразно со своими непосредственными желаниями и потребностями. Он живет, скорее, среди воображаемых эмоций, в надеждах и страхах, среди иллюзий и их утрат. С этой точки зрения Кассирер предлагает уточнить и расширить классическое определение человека. По его мнению, вопреки всем усилиям современного иррационализма, определение человека как разумного животного ничуть не утратило силы. «Рациональность, – пишет Кассирер, – черта, действительно внутренне присущая всем видам человеческой деятельности. Даже мифология не просто необработанная масса суеверий или нагромождение заблуждений; ее нельзя назвать хаотичной, ибо она обладает систематизированной или концептуальной формой. С другой стороны, однако, нельзя характеризовать структуру мифа как рациональную» [1, С.158]. Традиционная ошибка по Кассиреру,

состоит в том, что язык обычно отождествляют с разумом, хотя в таком определении часть предстает вместо целого. Ведь наряду с концептуальным языком существует эмоциональный язык, наряду с логическим или научным языком существует язык поэтического воображения, присоединяется Кассирер к выводам Когена. Первоначально же язык выражал не мысли и идеи, но и чувства и аффекты. И даже религия «в пределах чистого разума», как ее понимал и разрабатывал Кант, – это тоже всего лишь абстракция. Она дает только идеальную форму того, что представляет собой действительная конкретная религиозная жизнь, полемизирует Кассирер уже и с Кантом, и с Когеном. Поэтому, по его мнению, «разум» – очень неадекватный термин для всеохватывающего обозначения человеческой культурной жизни во всем богатстве и многообразии, причем все это символические формы. «Вместо того, чтобы определять человека как *animal rationale*, – заключает Кассирер, – мы должны, следовательно, определить его специфическое отличие, а тем самым и понять новый путь, открытый человеку – путь цивилизации» [1, С.235].

Наряду с формами интеллектуального синтеза в процессе формирования сознанием «объекта», который подчинен логическим законом, аналогично равнозначимые содержания возникают в искусстве, мифе, религии – своеобразных символических образованиях. В свете основного принципа критического мышления – примата функции над предметом – необходимо понять, по Кассиреру: наряду с функцией чистого познания, равным образом функции языкового мышления, функции мифически-религиозного мышления и функции художественного созерцания. «Критика разума становится с этим критикой культуры, – заключает Кассирер. Она пытается понять и показать, как всякое содержание культуры, поскольку оно является большим, чем чистое

отдельное содержание, и основано на всеобщем принципе формы, имеет своей предпосылкой изначальный акт духа». «Бытие» понимается, поэтому не иначе, чем «деяние». Такова «реальность» эстетическая, мифологическая, религиозная и естественнонаучная. При «критическом» рассмотрении бытие никогда не дано, а есть только задача. Различные продукты духовной культуры, язык, научное познание, миф, религия, искусство при всем своем внутреннем различии включены в единую великую проблематическую взаимосвязь и отнесены к общей цели – пассивный мир простых впечатлений, которыми сначала пленен дух, переформировать в мир чистых духовных выражений.

1. Кассирер, Э. Философия символических форм. Язык. Том 1. // Эрнест Кассирер – М.: Университетская книга Москва – Санкт-Петербург. – 2002 – 269 с.

Рахманов М.А., студент 315 гр.

Научный руководитель – Ренанский А.Л.

СУДЬБЫ ТРАДИЦИОННОЙ ТУРКМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Одной из важнейших тенденций современной цивилизации является глобализация. Современные социологи определяют её как сложный и противоречивый процесс изменения структур всего мирового хозяйства, что неизбежностью порождает мировое разделение труда, массовую миграцию, концентрацию капитала и рабочей силы, стандартизацию мирового законодательства, экономических и социологических процессов, а так же сближение и слияние культур разных стран.